

Г. Х. Гилязетдинова

ВОСТОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ XVII — НАЧАЛА XVIII В.*

Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования восточных слов в языке русской эпистолярной письменности XVII — начала XVIII в. Выявлено, что для основной массы восточных по происхождению заимствований характерны семантическая однозначность, тематическая атрибутированность и высокий словообразовательный потенциал. Частотность, терминологическая сочетаемость ряда лексем отражают их функциональную активность в исследуемых источниках. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: эпистолярная письменность XVII — начала XVIII в., восточные заимствования, функционирование.

ORIENTAL LOANWORDS IN THE 17TH — EARLY 18TH CENTURY PRIVATE CORRESPONDENCE

G. Kh. Gilazetdinova

Kazan Federal University, 18, ul. Kremlyovskaya, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article examines the features of the functioning of Oriental loanwords in the language of the Russian epistolary literature of 17th — early 18th centuries. The author brings to light that majority of Oriental loanwords are characterized by semantic univocacy, thematic attribution and high derivation potential. Frequency and terminological collocability reflect their functional activity in the sources studied. Refs 11.

Keywords: epistolary literature of the 17th — early 18th centuries, oriental loanwords, functioning.

Среди многочисленной группы письменных источников эпохи Московской Руси произведения эпистолярного жанра, отражающие живую разговорную речь своего времени, занимают особое место. Так, С. И. Котков, внесший большой вклад как в публикацию источников русской эпистолярной письменности¹, так и в изучение их языковых особенностей, определяет лингвистическую ценность материалов частной переписки тем, что «они доносят до нас старинную устную речь, представленную в письменном отражении, в наиболее непосредственном виде по сравнению с иными категориями письменных источников» [5, с. 107].

Большой диапазон тем, затронутых в письмах (хозяйственные дела, семейные события, бытовая жизнь и др.), дает богатый материал для разнообразных лексических наблюдений. Кроме того, достаточно широкий спектр корреспондентов в частной переписке — от высокой знати до крестьян — является немаловажным фактором, влияющим на особенности употребления различных лексических единиц, в том числе и восточных заимствований как особого генетического пласта русской

* Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

¹ Ср. ряд крупных публикаций Сектора лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР под руководством С. И. Коткова, содержащих материалы частной переписки XVII — начала XVIII в.: «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в.» [1]; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова)» [2]; «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» [3]; «Грамотки XVII — начала XVIII в.» [4].

лексики. А между тем, как свидетельствуют наши материалы, они достаточно активно функционируют в эпистолярной письменности XVII — начала XVIII в.

В статье термин «восточные заимствования» используется для обозначения в первую очередь собственно тюркской лексики, а также персидских, арабских слов, обогативших словарный состав тюркских языков и через их посредство проникших в русский язык.

В качестве материала исследования привлекаются «Письма царя Михаила Федоровича» (1619–1631 гг.) [6], весьма обширная «Переписка князя П. И. Хованского, его семьи и родственников» (XVII в.) [7], переписка из фонда А. И. Безобразова (XVII в.) [2], грамотки крестьян, ремесленников и мастеровых людей, датированные XVII — началом XVIII в. [4].

Обнаруженные заимствования (свыше 150 лексем) представлены различными тематическими группами: названия одежды, головных уборов, обуви (*бурка, епанча, зипун, кушак, фезезеи, чулки, штаны; шапка; башмаки, сапоги*); ткани (*атлас, бархат, миткаль, тафта*); драгоценные камни (*изумруд, лал*); сосуды, вместителища (*бадья, казан, лохань, чарка, чемодан, шайка*); торговля, товарно-денежный расчет (*алтын, базар, батман* ‘мера веса’); животный и растительный мир (*баран, корсак* ‘степная лисица’, *собака; сазан, судак, шеврига* ‘севрюга’; *арбуз*) и др. Как видно из представленных тематических групп, исследуемые заимствования составляют преимущественно номенклатурную лексику — от названий реалий общенародного быта до явлений живой и неживой природы, — выступающую в прямом значении и не имеющую какой-либо стилистической окраски, ср.: *Вели мнѣ купить <...> изумрудовъ сережныхъ* [7, с. 372, 1682 г.]; *А купит на бозаре везенку сенца ноболшую беремцы з два на возе дат рубля полтара сорок алтын* [4, с. 122, XVII в.].

Необходимо отметить, что среди обнаруженных тематических групп особо выделяются специальные наименования предметов и понятий, сближающиеся с терминологическими, которые зарегистрированы преимущественно в грамотках, написанных лицами низшего и среднего сословия: крестьянами, ремесленниками, посадскими людьми и др. Таковы, например, номинации, характеризующие хозяйственные и производственные отношения (*ватага* ‘промысловая артель, товарищество для работы’, *кабала* ‘долговое обязательство’, *ясак* ‘пóдать натурой’), лексика коневодства (*арчак* ‘деревянный остов седла’, *хомут; аргамак, лошадь, мерин*), специальные термины (*барда* ‘гуща от перегонки хлебного вина’, *бузун* ‘озерная самосадочная соль’, *тавра* ‘клеймо на рыбе и животных’, *тузлук* ‘рассол для соления рыбы и икры’): *Да об лошадку добрую съ арчаком и съ уздою <...> челом бью алтын* [2, с. 77, XVII в.]; *А бузуну гсдрь сказавают что нет алтын* [4, с. 34, XVII в.]; *И даль на собя людямъ того гостя Остафья кабалы въ тысяче рублехъ алтын* [7, с. 440, XVII в.].

Выявлены частотные лексемы. К ним относятся: *деньги* — 759 словоупотреблений, *боярин* — 272, *лошадь* — 202, *товарищ* — 163, *книга* — свыше 150. Все слова — ранние заимствования, о чем свидетельствует хронология первых текстовых фиксаций. Например, *боярин* датируется X в., *лошадь* — началом XII в. В XIV в. фиксируются заимствования *деньги, товарищ*. Функциональная активность названных заимствований проявляется не только в их высокой употребительности в памятниках эпистолярной письменности, но и в реализации сочетаемостных связей и словообразовательного потенциала. Так, представленные весьма разнообразные сочетательные возможности высокоупотребительного восточного заимствования *деньги*

[8, с. 499], образующего различного типа термины, характеризуют хозяйственно-экономическое положение того времени.

Терминологические сочетания *данные, оброчные, пошлинные деньги* функционируют в значении 'побор, называемый по виду обложения': *Да мнѣ гсдрь мелники оброчных денег и муки мелничных не дают без твоего гсдрь указу* [2, с. 78, XVII в.]; *дворовые, банные, лесные, луговые, пустошные, сеновые деньги* — 'побор, повинность, называемая по единице обложения': *Да по вашему гсдрь властину указу сеновые денги збирает почали* [4, с. 296, 1681 г.]; *заемные, кабальные деньги* — 'выплата, побор, называемый по виду сделки и документу, закрепляющему ее': *Отнес Федор Клачковъ Гавриле Рамановичу заемныхъ днгъ сорок рублей* [2, с. 109, 1669 г.]; *стрелецкие, ямские деньги* — 'повинность на содержание служилых людей различных категорий': *Не плачено полтинных денегъ и стрелецких запоручили а Дементьянъ не платит* [4, с. 101, XVII в.]; *полтинные, полуполтинные, пятинные, десятинные, четвертные деньги* — 'деньги, побор в размере полтины, полуполтины и т. п., одной четвертой, одной пятой и т. п. дохода': *И дрова и на бумагу и на свечи и на чернила с посаду и с уезду четвертные денги не указаны все покупаю на свое* [2, с. 81, XVII в.] и др. Понятно, что в переписке царя Михаила Федоровича подобные терминологизированные словосочетания не зарегистрированы.

Лексема *деньги* в частной переписке стала основой для следующих производных номинаций — адъектива *денежный*: *А послали те денежные доходы и рыбу и мнстрьские денежному оброку отписи от миру старостою Овдокимом Федотовым* [4, с. 111, 1630 г.]; суффиксального субстантива *деньжонки* 'деньги': *Да прошу твоей государевы милости, умилосердись пожалуй, изволь прислать деньженки мои заемныя* [7, с. 339, 1682 г.]; *денежка* 'то же, что деньга, монета определенного достоинства': *В розновес гсдрь [соль] купят в пят алтын без дву днгъ а в рогоже з денежкою по четыре алтына* [4, с. 34, XVII в.]; адвербиальных производных *безденежно* 'не оплачивая что-либо, не внося платы' и *денежно* 'дорого': *а на Яр возит знатно лошадиною силою охотников не найдеш а тут и не овсе денежно* [так в ркп.] *станет* [4, с. 189, 1698 г.].

Особенности функционирования высокочастотного древнетюркского заимствованного слова *боярин* [8, т. 1, с. 203–204] в значении 'высший служебный чин, а также лицо, пожалованное этим чином' заключаются в употреблении термина в составе словесных формул, связанных с эпистолярным этикетом. В частности, это нашло отражение в зачинах грамоток крестьян, старост, приказчиков к своим хозяевам: *Гсдрю боярину князю Василию Василевичу холоп твои Матюшъка Боев челом бьет* [4, с. 128, 1677 г.].

Характерно, что в эпистолярном наследии представителей высшего сословия (в данном случае — в материалах писем царя Михаила Федоровича) лексема *боярин* с указанием имени, отчества и (реже) фамилии носителя названного титула выступает в качестве устойчивого оборота: *Пожаловаль еси, Государь, прислать ко мне боярина своего князя Офонасья Васильевича Лобанова-Ростовского про свое Государево здорovie извь стити и меня, отца своего, о здорovie испросити* [6, с. 77, 1620 г.].

Кроме значения лица высшего сословия у слова *боярин* в памятниках эпистолярной письменности актуализируется значение 'феодал, владелец крепостных': *И дошли тем слъ дом до деревни Петухова боярина Федора Абрамовича Лопухина* [4, с. 277, 1695 г.].

В частной переписке обнаружены следующие производные, мотивированные лексемой *боярин*: прилагательное *боярский* ‘относящийся к боярину’, существительные *боярство* ‘чин боярина’ и *боярыня* ‘жена боярина’. Адъектив *боярский* со словами *дети*, *сын* образует терминологические сочетания для обозначения представителей низшего разряда служилых «по отечеству», т. е. по происхождению людей: а *стрельцов побили и сну боярскому голову пробили* [4, с. 22, XVII — начало XVIII в.]. Словосочетание *боярская боярыня*, отмеченное единственным примером в переписке князя П. И. Хованского, имеет самостоятельное значение — ‘старшая приближенная замужняя прислуга в доме боярина’: *А вершика, государыня, я Ивановой жены не рассмотръ ла: принесла ее боярская боярыня, — у насъ ужъ и лошади впряженныя ужъ въ стриги, не рассмотръ ла, что не мой* [7, с. 452, 1676 г.].

Частотная лексема *книга*, относящаяся к числу древнебулгарских заимствований [9, с. 84], в исследуемых памятниках встречается прежде всего в значении ‘тетрадь, книга с деловыми записями разнообразного характера’, ср.: *А что Яковъ Сухановъ бралъ на васъ мирския деньги, и его по **книгам** считали, и онъ на тебя написалъ двадцать шесть мть ръ ржи да шестнадцать мть ръ ячменя* [7, с. 326, XVII в.]. Достаточно широко представлены со словом *книга* в указанном значении такие устойчивые словосочетания, как *книги даточные, записные, межевые, монастырские, окладные, писцовые, полонянничные, приказные, приходные, сметные, сыскные, таможенные, умолотные* и др., называющие книги по цели, содержанию деловых записей, по назначению и принадлежности. Ср.: *А Помъ сного гсдрни приказу подячие Гаврило Семенов да Федор Хомяковъ **межевыхъ книг** <...> не подаывали* [4, с. 68, 1651 г.]; *И в Земском приказе мнъ Ивану Чаплыгину тот свои двор по сеи купчеи записат в **записные** дворовые **книги** за ним Иваном Мартемьяновым* [3, с. 185, 1664 г.]; *А мть шкота, государь, **смъ тнымъ книгамъ** учинилась за неприсылкою изъ городовъ воеводъ* [7, с. 362, 1682 г.]; *И **сыскные книги** люди твои у меня взяли* [2, с. 106, XVII в.].

Древнейший тюркизм домонгольского периода *лошадь* [8, т. 2, с. 525–526] в качестве коневодческого термина употребляется в эпистолярной письменности в значении ‘рабочая лошадь, упряжное животное’: *Конюхи Ивашко Евдокимов с товарищем выпрегли две **лошади** ис телех и увели в село Глумово* [4, с. 280, XVII в.]. *Лошадь* обозначала также и верхового коня: *И которы **лошади** моего седла, — все они здоровы?* [7, с. 315, XVII в.].

Лексическая сочетаемость слова *лошадь* ограничена. Выявленные атрибутивные словосочетания *государева лошадь, монастырская лошадь* обозначают животных по характеру их преимущественного использования: *по указу великого гсдря поставлены стряпчие конюхи з **гсдрвыми лошедми** в Калуге да на Наре* [3, с. 18, XVII в.]. Кроме того, отмечаются словосочетания со специальным значением для определения различных пород животных, например: *литовская, ногайская, русская лошадь*. Ср.: *Лошадъми, государь, гораздо у меня нужно и мало: безъ меня **русския и ногайския** въ деревняхъ перевели* [7, с. 437, XVII в.].

В материалах частной переписки восточные слова имеют высокую деривационную продуктивность, что является отражением жизнеспособности этих слов, с одной стороны, и их функциональной активности — с другой. Всего зарегистрировано свыше 100 новообразований на базе заимствований. Из общего числа производных более всего представлены существительные (свыше 110 слов) типа *арбузец, барабанщик, сапожник, сеуничик/сеунчик* ‘вестник, гонец’, *сеунчество* ‘сообщение, донесение’

и др., например: *И против того сеунчества князь Ивану Борисовичю и сеунчикам ево по се число ничево нъ т же что будет вперед* [4, с. 130, 1677 г.].

Особо следует остановиться на весьма распространенной и характерной для эпистолярных текстов группе деминутивных экспрессивных образований, среди которых — номинации с уменьшительно-ласкательными формантами (*буравчик, коврик, лошадка, сундучок, сургучик, тесемочка*) и с суффиксами уменьшительно-уничижительной оценки (*лошадишка, кабелишка*), ср.: *Прикажи гсдрь прислат сургучику* [4, с. 212, XVII в.]; *Да при(шли) ко мнѣ тесемочку бѣ ленькую шелковую на узду* [7, с. 307, 1682 г.]; *Прикажи, государь, по кабелишкамъ моимъ на своихъ полчанахъ взять деньги и отдать людишкамъ моимъ* [7, с. 353, XVII в.].

Уменьшительно-ласкательные производные, как совершенно справедливо отмечает С. И. Котков, придавали эпистолярному общению оттенок общей доверительности [10, с. 185]. Употребление существительных с субъективно-оценочным значением в частных письмах людей, неравноправных в социальном аспекте, объясняется этикетным характером написания такого рода писем, в которых обычно просьба к адресату о чем-либо сопровождалась описанием тяжелого положения просителя и соответственно наименование просимого использовалось в уменьшительно-уничижительной форме (ср. *челобитные*). По словам С. С. Волкова, в частной переписке XVII в. «формулярные и языковые этикетные средства и их конкретное лексическое наполнение <...> несут эмоционально-экспрессивную нагрузку» [11, с. 9].

Таким образом, восточные заимствования в эпистолярной письменности — это в большинстве своем общенародные слова конкретно-предметного значения, приближенные к терминологической лексике (*алтын, хомут* и др.), имеющие достаточно высокий словообразовательный потенциал. Функциональная активность ряда наиболее частотных заимствований (*деньги, книга, лошадь*) проявляется не только в их широкой употребительности, но и в реализации возможностей словопроизводства и сочетаемостных связей терминологического характера (преимущественно атрибутивного плана), являющихся показателем степени лексической закрепленности в народно-разговорном языке исследуемого периода.

Литература

1. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М.: Наука, 1964. 312 с.
2. Памятники русского народно-разговорного языка XVII века (из фонда А. И. Безобразова) / изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М.: Наука, 1965. 164 с.
3. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
4. Грамотки XVII — начала XVIII в. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969. 415 с.
5. Котков С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107–116.
6. Переписка царя Михаила Феодоровича // Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. 1. С. 9–298.
7. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. Сообщ. Г. Г. Лукьяновым // Старина и новизна. Кн. 10. М.: Синодальная Типография, 1905. С. 283–462.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.
9. Добродомов И. Г. Книга // Русская речь. 1971. № 5. С. 83–91.

10. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 295 с.

11. *Волков С. С.* Эмоционально-экспрессивные средства частной переписки XVII в. // Историческая лексикология и лексикография: межвуз. сб. Вып. 8 / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 7–14.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2014 г.

Контактная информация

Гилзетдинова Гелиня Хайретдиновна — доктор филологических наук, профессор; ggilaz@mail.ru
Gilazetdinova Gelinya Kh. — Doctor of Philology, Professor; ggilaz@mail.ru